

Т.М. Ломанова

Сибирь в графике красноярского художника Р.К. Руйги

Жизнь и творчество Рудольфа Крустиновича Руйги (1923–2002) неразрывно связанное с Сибирью, с Красноярским краем, оказалось почти вне поля зрения исследователей¹. Он родился на Алтае, детство прошло среди природы Хакасии в селе Означенном, ранняя юность в городе Абакане, а с 1945 г. до последних дней жил и работал в Красноярске. Так сложилась судьба, что Р.К. Руйга не смог получить никакого художественного образования. Годы ранней юности, выбора пути стали для него временем испытания всех тяжестей, выпавших на долю сына репрессированного. Но врожденный художественный талант, удивительная цельность натуры помогли художнику найти свое место в жизни. Уже в 16 лет он работал в Абаканском издательстве «Советская Хакасия» художником. А в 1940 г. он иллюстрирует первую книгу. Это была всем известная и много раз рисованная разными художниками сказка К.И. Чуковского «Доктор Айболит». Было достаточно смелым шагом семнадцатилетнему юноше взяться за оформление сказки К.И. Чуковского. Книги любимого детского писателя до него иллюстрировали десятки известных художников, в том числе такие признанные мастера советской иллюстрации, как М. Добужинский (1927), В. Конашевич (1939), Д. Митрохин (1929), К. Рудаков (1929), Ю. Васнецов (1936) и многие другие. Конечно, можно предположить, что не все эти издания мог видеть паренек из далекой сибирской провинции, тем не менее сказки К.И. Чуковского были чрезвычайно популярны по всей стране, какие-то из них, очевидно, были и в абаканских библиотеках. Уже в этой первой своей самостоятельной работе проявились качества, которые раскроются впоследствии, – умение организовать плоскость листа, богатство тонового видения.

В 1941 г. вышла книга «Хакасский фольклор», оформленная Р. Руйгой. Иллюстрации к этому изданию были настолько серьезны и зрелы, что и сейчас по прошествии многих лет, при наличии теперь уже целого ряда различных художественных интерпретаций хакасского эпоса, созданных многими авторами, листы молодого графика не теряются в числе других. С этого времени творческие работы Руйги – вначале только книжная иллюстрация, а затем и станковая графика – стали появляться на всех выставках в Красноярском крае.

Когда сопоставляешь ранние и зрелые работы Р.К. Руйги, то кажется, что он никогда не переживал период ученичества, ни об одной его работе нельзя

¹ При жизни художника было издано два маленьких буклета и опубликовано несколько статей в краевой печати. В 2003 г. был издан каталог посмертной выставки Р.К. Руйги.

сказать «период становления», «первые робкие шаги». Глубокая внутренняя цельность, проявившаяся в самых ранних работах, сохранилась на протяжении всего творчества художника. Все, что открыл он для себя в юные годы, продолжалось в его искусстве всю жизнь. Прежде всего это относится к выбранной в самом начале пути графической технике. С первых листов навсегда художник остался верен технике рисунка карандашом. Верность себе, монолитность также проявились в любви к выбранному раз и навсегда жанру – пейзаж, не просто пейзаж, а величественный суровый пейзаж Сибири. В искусстве графики он блестяще продолжил достижения красноярских живописцев этого периода в разработке сибирского пейзажа. Его монументальные монохромные композиции обладают живописной мощью и силой. Все эти качества искусства Р.К. Руйги проявились в его станковых композициях с юношества. Даже в небольших зарисовках 1940-х гг. сказывается монументальное видение художника. В качестве примера можно назвать его небольшие наброски с изображением деревьев, фрагментов с берегом реки, с дорогой. Каждый из маленьких листов не смотрится набросочным материалом, – листы закончены по своей образности, композиционно цельны («Проселок», «Тучи над рекой» и др.).

Уже в период Великой Отечественной войны Р.К. Руйга вошел со своими работами в творческую группу красноярских художников. Его графика экспонировалась на краевых выставках военных лет (1942, 1943, 1944), а в 1942 г. в Красноярске была проведена его небольшая персональная выставка. Знаменательно, что в тяжелом 1942 г. Р. Руйга был принят в члены Союза художников. По тем временам это было беспрецедентно, ведь художнику было всего 19 лет. В 1945 г. Р. Руйга окончательно перебрался в Красноярск и влился в Красноярский союз художников. Яркий талант, настойчивость и трудолюбие очень быстро сделали его одним из ведущих художников в крае. В 1946 г. работы молодого графика впервые экспонировались в Москве на республиканской, а затем на всесоюзной выставках. Это была серия станковых листов, воспевающих природу Хакасии: «Бой богатырей», «Займка», «Улус в горах», «В Саянах». Руйга рассказывал о той Хакасии, которую знал и любил. В его пейзажных композициях Хакасия представала и суровой, и трогательной. Каждый из листов наполнен своим музыкальным ритмом. Особенно значителен лист «Бой богатырей», он наполнен символами, обобщениями, эпичностью.

Эпичность, вообще свойственна творчеству Р. Руйги. И дело даже не в размерах его листов. Художник, действительно, предпочитал большой формат композиций, но эпичностью, значимостью изображенного наполнены даже его небольшие листы. Эпичность заложена в самом выборе сюжетов, в подходе художника к своим образам. Мир его образов – скалы, тайга, могучие реки – Сибирь, ее неприступная, непокорная природа. Суровы покрытые тайгой горные гряды, богатырской силы исполнены мощные кедр, ломающие скальные породы, неудержимо течение своевольных сибирских рек – весь этот мир под рукой мастера наполняется былинностью и обобщенностью. Композиции неторопливы, их ритмы размеренны и спокойны, величие изображаемой природы не допускает суетности и торопливости. В его листах нельзя встретить обращения к какому-то сиюминутному настроению, к легкой лирике. Даже в самых лиричных сюжетах, а таких немало в творчестве Р. Руйги, он остается певцом прежде всего суровой первозданной красоты окружающего мира.

При этой обобщенности его композиции нельзя назвать лаконичными. Они подробно детализированы, но никогда ни в одном листе, ни на мгновение художнику не изменяет чувство меры – ни одного лишнего штриха, ненужной детали, никогда не создается ощущения перенасыщенности листа. Это свойство у Р. Руйги воспитано с молодых лет, с его ранних листов.

С детства выросший среди сибирской природы, Руйга не представлял себе жизни без постоянного общения с ней. Его бесконечные путешествия в Саяны, по Енисею, на Север были не просто поездками за сбором материала. Природа питала его творчество, как корни могучего дерева питает живительная влага земли. При всей великолепной скомпонованности, в его листах никогда не чувствуется сюжетной придуманности, поисков наиболее эффектных моментов. Кажется, что художник не искал ракурсов, состояний суток, погоды – рисовал то, что открывалось глазу, сюжеты рождались из самой природы. В этом его можно назвать последователем Д.И. Каратанова, которого Руйга очень любил. С юношеских лет Руйгу связывали с Каратановым совместные походы на Столбы. Можно говорить о том, что Руйга, особенно на ранних этапах творчества (1940-е – начало 1950-х гг.), близок к восприятию природы Д.И. Каратановым. Пример тому лист «Таежная глушь» (1949), в котором отношение к изображенной тайге такое же, как и у Каратанова, – просто фрагмент, маленький «кусочек» непроходимой тайги с ее буреломом. Даже в облике человека среди этой таежной глуши прочитывается образ самого Д.И. Каратанова. Примыкают к этому листу такие работы этого периода как «У костра», «Сухостой» и др.

Конец 1940-х – первая половина 1950-х годов стали для Р.К. Руйги временем яркого взлета. Его ри-

сунки, отмеченные самобытной индивидуальностью, появляются на всех краевых выставках, и не только на краевых, но и на республиканских, региональных («Художники Сибири и Дальнего Востока»). Но в этот период художник пока не расстается с книжной иллюстрацией, с плакатом, не прерывая отношений с издательствами, сложившихся еще в военные годы, станковая графика в его творчестве развивается параллельно с работой в книге. Но работу художника в книжной иллюстрации, по выбору литературного материала, по разработке листов можно назвать продолжением его станковых композиций. Художник берется иллюстрировать те художественные и научно-популярные издания, в которых он может показать сибирскую природу во всей ее красе. Это книги известного красноярского краеведа, столбиста И.Ф. Беляка «Столбы» (1949), «По родному краю» (1951), «Край причудливых скал» (1952); Н.С. Устиновича «Зеленый клад» (1951), А. Трегубенко «По таежным тропам» (1952), И. Назарова «На Енисее-реке» (1953) и др.

В данных изданиях вполне уместно говорить не просто об иллюстрировании литературного текста Р.К. Руйгой, а о фактическом соавторстве художника и литератора. Иначе и быть не могло – Руйга создавал листы, в которых изображал родной ему мир. С Иваном Беляком они вместе ходили на Столбы. Енисей, тайга, Саяны – это все Сибирь, знакомая художнику и горячо любимая им. В книгах были не просто рисунки, сопровождающие авторский текст, а художественно интерпретированное изображение документального материала, наполненное глубиной и содержательностью. Умение скомпоновать плоскость книжного листа, внимательная работа с литературным текстом делали эти книги изданиями большой художественной значимости.

Но период работы с книжными издательствами был недолгим, уже к середине 1950-х гг. Р.К. Руйга уходит из книжной иллюстрации, полностью сосредотачивая свои силы на станковой графике. По-прежнему главной темой его творчества остается пейзаж Сибири. Его листы «Снег выпал» (1956), «Таежный тракт» (1956), «На Ангаре» (1957) «Брат океана. Енисей» (1963), «Саяны. На неведомом озере» (1955), «На далекой таежной реке» (1962–1963) и многие другие периода 1950-х – начала 1960-х гг. раскрывают блестящее мастерство рисовальщика, прекрасно чувствующего «живописность» и тональное богатство графики. Его большеформатные рисованные композиции можно характеризовать как политональные. Растяжка тона от цвета бумаги до глубочайших черных тонов в каждом листе просто завораживает. Линия варьирует от тончайшей, едва читаемой до глубокой, плотной. Штрих выявляет объем, тональные пятна точно композиционно расставлены. Его графику можно назвать «живописью» в рисунке, настолько богаты и красочны его монохромные листы. В листе «На далекой таежной

реке» тональные отношения построены на смелых противопоставлениях глубокой черной вертикали ели на первом плане, тончайших, почти кружевных отвесных скал на дальнем берегу и плотных облаков, спускающихся туманом. Облака едва намечены несколькими линиями, их густая плотность передана лишь цветом бумаги, невозможно увидеть границ этой плотной массы.

Один из широко известных листов Р.К. Руйги – «Брат океана Енисей» (рис. 1). Он экспонировался на нескольких выставках, много репродуцировался. Брат океана – это Енисей в низовьях, с его бескрайней шириной. Лишь вода в нижней части листа, а остальные три четверти композиции – небо, мощные облака в стремительном вихревом движении, созданном тысячами тонких разнонаправленных штрихов. Плотный темный тон воды и дальнего берега сочетается с почти таким же плотным по тональности нижним краем облаков, нависающих над водой. В этой стихии, в этом воздушном вихре над холодной бескрайностью реки заложены сила, мощь, неподвластная человеку. Приходится удивляться неумолимости художника в разработке каждого листа.

Но пейзаж Р.К. Руйги не является чем-то отстраненным от человека, природа первозданна, монументальна, неприступна, однако человеку она покоряется.

Эта тема лейтмотивом проходит через все творчество Руйги 1950–1970-х гг., и не только Руйги, но и всех художников этого периода. Связаны эти пристрастия с временем романтики покорения. В искусстве утверждались высокие порывы, пафос величественных строек, героика покорения могучих рек, освоения самых отдаленных краев. Это были годы высоких стремлений, когда мечтатели из столичных вузов ехали в Сибирь, на Дальний Восток, на Крайний Север. «Романтика дальних дорог» покоряла сердца.

Один за другим появляются на выставках листы Р.К. Руйги, чаще всего собранные в единые циклы и серии. На реке Ангаре и в ее бассейне на речке Удере художник был очарован не только красотой тайги, но и героизмом тех людей, что водят машины и трактора нелегкими таежными дорогами и просеками, тех, что работают на промывке золота – «Таежный тракт» (1956), «В енисейской тайге. Золото Удерея», «На пути к енисейской тайге» (обе 1961) (рис. 2). В панорамном листе, посвященном южносибирской магистрали, Руйга увидел красоту жизни, пришедшей в далекий таежный край с проведением новой железнодорожной ветки («Южносибирская магистраль», 1956). Саяны для него – не только прекрасный уголок земли, но

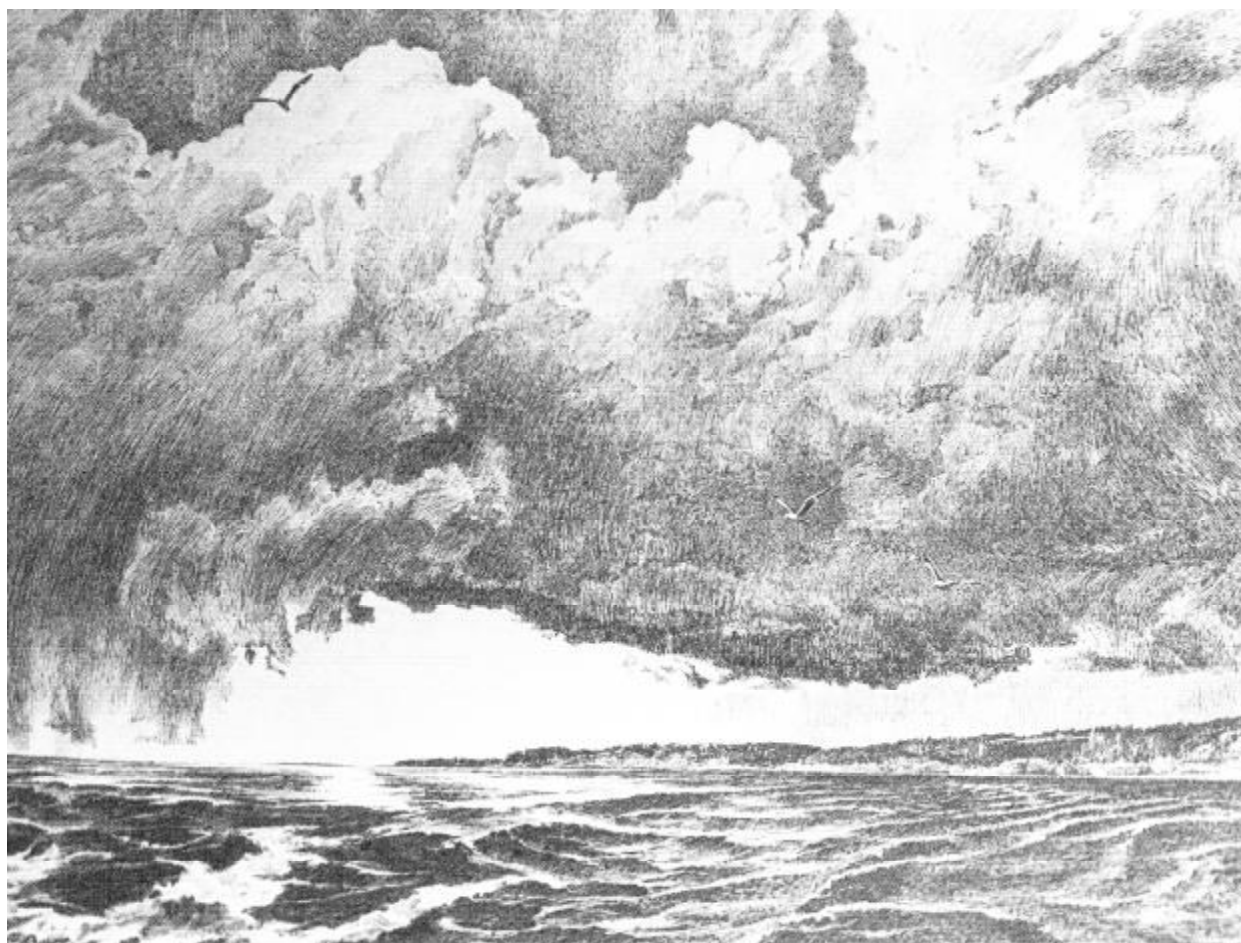

Рис. 1. Р.К. Руйга. Брат океана Енисей. 1963

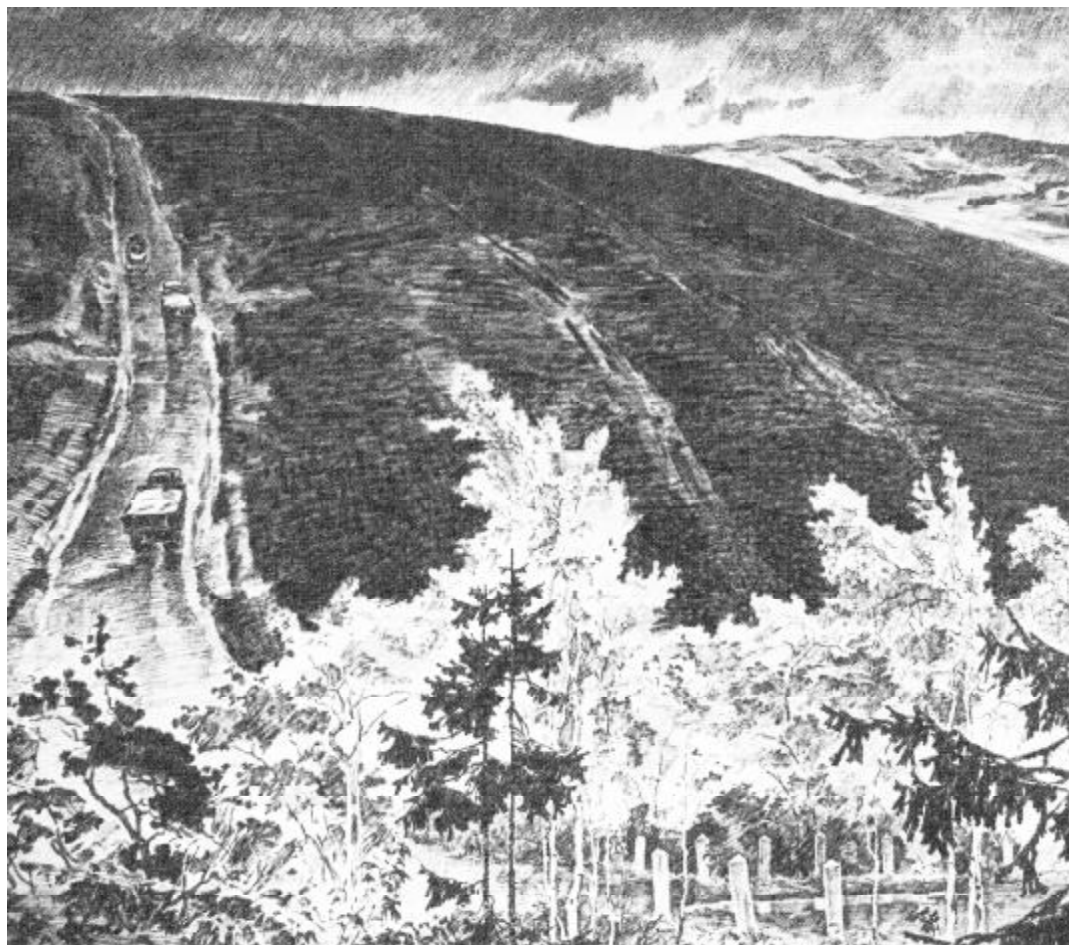

Рис. 2. Р.К. Руйга. На пути к Енисейской тайге. 1961

и труднейшие автомобильные трассы («Саяны. На тракте», 1957). Характерным для этого времени можно назвать лист «Идущие впереди» (1960). Здесь человек противостоит суровой непокорной природе. Ни неприступные горы с их мощными отвесными скалами, ни снежные заносы, ни бурелом не страшны упорству и мужеству людей. Композиция построена так, что бурильщики, нарисованные в сложных ракурсах в центре композиции среди всего нагромождения скальных пород, отвесных выступов, заснеженных горных складок на дальнем плане, все же воспринимаются победителями. Их решимость и твердость прочнее горной породы. В этом листе, как и в целом ряде других периода 1950–1960-х гг., художник нередко обращается к изображению людей, и надо сказать, что, казалось бы, не имея школы, Руйга прекрасно справляется с созданием сложных сюжетных композиций, умея передать характеры, состояние, эмоциональный настрой. Если бы художник обратился к разработке сюжетно-тематических листов, он бы многого добился в этом жанре, но навсегда остался певцом природы Сибири.

Увлеченный, как и вся творческая интеллигенция, освоением Сибири и строительством на ее просторах

промышленных и энергетических гигантов, художник с головой окунается в романтику великих строек. Он появляется с первыми строителями дороги Абакан–Тайшет, с палаточными городками при закладке Красноярской ГЭС и строительстве юного Дивногорска, с первыми бурильщиками на Саяно-Шушенской ГЭС. Художник работает горячо, увлеченно, отдельные листы и серии создаются быстро. Но все так же по-руйговски монументальны композиции, все так же прекрасна природа и могуч в своих деяниях человек.

Однако с годами отношение к покорению природы у художника меняется. Так, в серии «Стройка на Енисее» (1958–1959), посвященной строительству Красноярской ГЭС и Дивногорска, художник взволнованно повествует о людях, строящих молодой город. Для него подлинной красотой наполнены деревянные бруссы, которые через несколько дней станут домами для строителей ГЭС («Дивногорск. Новая улица»), буровые, поднявшиеся на берегах еще не покоренной реки («Енисей. Февраль»). Природа здесь как бы отступает на дальний план перед великими замыслами людей. В серии 1963 г., посвященной строительству железной дороги «Абакан–Тайшет», на первом плане тоже мужество и героический труд. Дикая необуздан-

ная природа словно склоняется перед непоколебимым натиском людей.

Но уже в его большой серии, даже не серии, в цикле работ «Здесь будет Саяно-Шушенская ГЭС» акценты расставлены по-другому, – природа здесь играет главную роль. К этому циклу художник обращался на протяжении двух с половиной десятков лет (1964–1989), но начиная с 1970-х гг. все реже. Все чаще с этого времени художник задумывался о тех огромных утратах, что приносили с собой энергетические гиганты. Наверное, последней работой цикла можно назвать его панорамную композицию 1989 г., включающую три листа, «Енисей. Последний ледоход у деревни Означенной». Эти листы стали памятью, прощанием с местами, где прошло его детство в старинном селе Означенное, существующем еще с XVII в. (с 1975 г. – город Саяногорск), они проникнуты тишиной и нежностью.

В годы работы над циклом «Здесь будет Саяно-Шушенская ГЭС» накопленный жизненный и творческий опыт, осмысление связи человека со своей землей и горячее желание раскрыть эту связь позволили создавать работы глубокие по содержанию, наполненные бесконечной любовью к окружающему миру. То, что Саяно-Шушенская ГЭС поднималась в родных для художника местах, где прошло его детство, наложило свой отпечаток на весь цикл работ, дало новый угол зрения на отношения человека и природы. Хорошо знающий эти края, художник хотел запечатлеть первозданность нетронутой величественной красоты, которая с приходом человека и строительством огромной гидроэлектростанции не останется прежней: одни участки уйдут под воду, через другие пройдут трассы, ЛЭП, будут пробиты просеки, туннели, поставлены новые поселки. Все эти годы от первых работ 1964 г. «В поселке изыскателей», «В створе. Енисей», «Отсыпано два километра» художник проживал с Саянами и вершиной Борусом, с Енисеем, с людьми, которые пришли сюда и стали персонажами его листов.

Он приехал на место строительства с первыми изыскателями, жил в их палатках, ходил с ними по будущим трассам и стройкам, со многими подружился на долгие годы. Ему было интересно все на этой стройке: как ставились буровые и как проводились исследовательские работы, как поднимались поселки и насыпались трассы. «Поселок строителей», «Поселок гидростроителей (изыскателей)», «Буровая и кедр», «В поселке изыскателей. Воскресение», «У палатки «Ледоруба» – эти и многие другие работы 1964–1968 гг. повествуют о сильных и мужественных людях, покоряющих неприступные скалы, непроходимую тайгу, могучие реки. Но даже в этих листах, воспевающих подвиг первопроходцев, завораживает в первую очередь красота окружающего их мира. В листе «Буровая и кедр» буровая вышка замечается не сразу, в центре листа – прекрасные могучие кедры,

они становятся главным персонажем работы. В рисунке «Черемушки. Осень» едва заметны маленькие домики в правом нижнем углу листа, а над ними всю остальную плоскость занимают горные кряжи, уходящие к самому горизонту.

Но листов, воспевающих непосредственно ГЭС, у Руйги нет. Вспомним, как восхищались художники этим свершением рук человеческих, сколько грандиозных полотен и графических серий со строителями на фоне огромной ГЭС проходили в те времена по выставкам. Руйга ни одного листа не посвятил самой гидроэлектростанции. Он фактически вообще отошел от темы, когда строительство в Саянах развернулось во всю мощь. Лишь начальные этапы, первое вхождение человека в эти края и природа, великая, прекрасная природа вызывали восторг художника. Большая часть листов цикла «Здесь будет Саяно-Шушенская ГЭС» раскрывают именно природу, в них нет или почти не чувствуется присутствие человека. Саяны, Енисей, тайга стали главными персонажами серии. Листы «В тайге под Борусом», «Хребет Борус. Водопад», «Истоки Джойской Сосновки», «Борус. Кончается май», «Борус хмурится», «В створе. Март», «Енисей. У Кантегира», «На Джое. Дно будущего моря», «Под кручами Боруса» и многие другие стали блестящей сюитой, воспевающей необыкновенную красоту Саянских хребтов и горных рек. Здесь мастерство художника раскрывается в полную силу. Богатая тональность его работ становится совершенной. В тоновой растяжке нет ни одного пятна, поставленного случайно. В изобразительный ряд активно вводится цвет бумаги. К цвету, тону, фактуре бумаги художник всегда относился чрезвычайно бережно. Самым предпочтительным для художника был торшон (сорт картона). В некоторых случаях автор использовал для изображения фактурную сторону торшона или плотной бумаги, что придавало штриху объемность, привносило особое звучание в изображение. Обычно работающий в монохромной гамме, Руйга, очень редко, тактично и точно прибегает к скромной подцветке в листах, например: чуть заметно вводит желтый цвет (лист «В створе. Март»). Но это сразу выявило объем, сконцентрировало внимание на самом значительном в композиции.

Бесконечно любя всю сибирскую природу, Руйга все же и здесь имел свою основную тему – главным персонажем его работ на протяжении десятилетий оставались горы. В серии «Здесь будет Саяно-Шушенская ГЭС», наверное, нет ни одного листа, где бы ни было изображения гор. Горные массивы в разные времена года с мощными выходами скальных пород, покрытых снегом, тайгой, молодой порослью, переданы с великолепным мастерством. Каждое изображение гор проникнуто своим настроением. Во многих листах художника проходит хребет Борус, это одна из красивейших вершин Западного Саяна. Через изобра-

Рис. 3. Р.К. Руйга. Красноярские Столбы. «Грифы». 1970

жение суровых, холодных в своей величественности неприступных скал раскрывается мир художника, его вечная влюбленность в этот неласковый к человеку край. И чем более властно люди завоевывали Саяны, тем больше отходил художник от темы героики труда к изображению гордой, непокорной природы. Поэтому говорить о цикле «Здесь будет Саяно-Шушенская ГЭС» – это говорить о бесконечной любви художника к своей земле, о тревоге за нее, ее будущее, о печали

по прекрасному миру, измененному по воле человека. Эта печаль все сильнее ощущается в работах Руйги, когда сравниваешь более ранние и более поздние листы художника. Отсюда и восприятие панорамной композиции из трех листов «Енисей. Последний ледоход у деревни Означенной» (это все же не триптих, а цельная единая композиция) как прощание с ушедшим навсегда миром.

Не только мощные саянские хребты знал и любил Руйга, непреходящий восторг на протяжении всей его жизни вызывали у него красноярские Столбы. С молодых лет чуть ли не ежедневные, а уж еженедельные – это точно, походы на Столбы одному, с друзьями, с семьей были его ненарушаемой традицией. Руйга знал на Столбах каждый камешек, каждую тропку. Не случайно вся семья Руйги – дети, внуки связали свою жизнь со Столбами, со скалолазанием. И в его творчестве Столбы занимали значительное место. Вначале (в конце 1940-х – в начале 1950-х гг.) это была работа в книжной иллюстрации, в 1970–1990-е гг. художник создает цикл станковых листов, посвященный Столбам. Композиции вертикальны, это подчеркивает высоту причудливых изваяний природы. Каждый лист посвящен отдельной скале, выявляет ее особенность, необычность, но тем не менее в каждый рисунок не просто фиксирование, а глубокий художественный образ со своим настроением, наполненный авторской любовью к заповедному уголку неповторимых Столбов (рис. 3).

Каждый край, где бывал Руйга – Тува, Хакасия, Север – так выразительно раскрыты в его листах, что у зрителей не вызывает сомнений глубина постижения истории, характера, особенностей данной земли. Неоднократно станковые листы Р.К. Руйги представляли Красноярский край на самых престижных выставках, и всегда выразительная образность его искусства, серьезность и значительность его произведений покоряли зрителей. Его работы навсегда вошли в искусство Красноярского края, и нельзя дать верного представления о развитии графики в крае без самобытных работ Рудольфа Крустиновича Руйги.